

Литературные беседы

нія, однако, те могут набрасывать слишком черную тень на американскую женщину. «Если в настоящее время Американский Союз—одна из первых стран мира, то этим он, главным образом, обязан американской женщине, которая была и есть главный фактор его удивительного успеха. Соединенные Штаты обязаны женщине тем, что она сохранила религиозную веру, создала храм и школу, в тяжелые минуты, во время войны, вдохновляла мужчин. За это мужчина уважал ее, и это уважение, которое она внушила ему сначала своею самоотверженностью и отвагой, затмив умом, образованіемъ, красотой, второй въ его покровительство, смягчило американскіе нравы, проникшіеся убѣжденіемъ, что уваженіе женщины есть одно изъ первыхъ условий нравственной жизни мужчины».

Въ некоторыхъ вопросахъ уже не Европа, а Америка имѣетъ рѣшающій голосъ; есть слѣдовательно надежда, что оттуда придетъ къ намъ и рѣшеніе знаменитаго женскаго вопроса, который большинство у насъ старается затормозить своимъ собственнымъ невѣжествомъ. Примѣръ американокъ, быть можетъ, образумитъ, наконецъ, мудрыя головы нашихъ философовъ, требующихъ отъ женщины, чтобы она вѣчно раздѣляла съ ними бездну ихъ глупости. Мужчина самъ никогда не двинетъ цивилизацію впередъ, для этого ему нужна помощь той, которую ребенкомъ онъ зоветъ матерью, а въ зрѣлыхъ годахъ подругой жизни. Но этой простой истины мы понять не хотимъ. Довольствуясь сами мракомъ и невѣжествомъ, мы боимся дать свѣта другому, чтобы этотъ свѣтъ не освѣтилъ всю нашу грязь и безнравственность, облюбовавъ которую, мы избегаемъ всего, чтобы насъ рано или поздно могло уличить въ ней. Свѣтъ непріятно разитъ глаза, привыкшіе къ мраку, и потому то его нѣтъ даже въ нашей литературѣ. Въмѣсто свѣтлыхъ образовъ въ ней видишь лишь какихъ то психопатовъ, Мимочекъ и т. д.

Между тѣмъ, не литература должна служить пріютомъ для подобнаго рода типовъ, а какой нибудь благодатный уголокъ, вроде Сахалина, съ которымъ насъ пытается познакомиться теперь А. П. Чеховъ. Еще подвѣсивъ только къ этому пріюту, нашъ талантливый писатель испытывалъ самыя

тяжелыя впечатлѣнія. Вотъ какъ описываетъ онъ, напр., жизнь въ г. Николаевскѣ, бывшемъ когда-то центромъ этого далекаго края: «Половина домовъ покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темныя окна безъ рамъ глядятъ на васъ, какъ глазныя впадины черепа. Обыватели ведутъ сонную, пьяную жизнь и вообще живутъ впроголодь, чѣмъ Богъ послалъ. Пробавляются поставками рыбы, золотымъ ищичествомъ, эксплуатаціей инородцевъ. Эксплуатація инородцевъ, кромѣ обычнаго спаиванія, выражается иногда въ оригинальной формѣ. Такъ, николаевскій купецъ Ивановъ, нынѣ покойный, каждое лѣто ѣздилъ на Сахалинъ и бралъ тамъ съ глянцовой дань, а неисправныхъ плательщиковъ вѣшалъ.»

Приведа въкратцѣ исторію изслѣдованія Сахалина (по Невельскому), А. П. Чеховъ описываетъ свое знакомство съ представителями мѣстной интеллигенціи и свой визитъ генералу В. О. Коновоничу, который произвелъ на него довольно благоприятное впечатлѣніе, хотя, по общему отзыву, это былъ не совсѣмъ добродушный человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ Чеховъ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ генералъ-губернаторомъ края, барономъ А. Н. Корфъ. Нослѣдній принялъ его очень любезно, и заставилъ скорѣе записать подъ диктовку нѣсколько своихъ мыслей относительно сахалинской каторги. Изъ бесѣдъ съ барономъ, а въ особенности изъ продиктованныхъ имъ мыслей, нашъ писатель убѣдился, что баронъ, во-первыхъ, добродушнѣйшій человекъ, а во-вторыхъ, что онъ совсѣмъ почти не знакомъ съ «жизнью несчастныхъ». Онъ диктовалъ, напр.: «никто не лишаетъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; познечности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20 годами. Каторжныя работы не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тягость, а въ не напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ». Къ сожалѣнію Чеховъ, постоянно описывающій звонъ цѣпей, разубѣждаетъ насъ въ этихъ прекрасныхъ словахъ барона Корфа.

Чтобы болѣе подробно ознакомиться съ сахалинской каторгою, Чеховъ прибѣгнулъ къ обычному пріему земскихъ статистиковъ и одѣлалъ перепись населенія острова на

особыхъ, специально приготовленныхъ для него карточкахъ. Въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли» напечатано помянутое одо только начало общающей быть весна интересной статьи; въ слѣдующихъ же главкахъ ея авторъ общаетъ описывать посты и селенія и попутно знакомить читателя съ катеринскими работами и тюрьмами, поскольку я самъ успѣлъ познакомиться съ ними въ короткое время.

Чеховъ на этотъ разъ мало описываетъ, какъ художникъ. Отъ слога его, сжатаго и холоднаго, вѣетъ, какъ будто, тоской приунывшаго туриста, не замѣчающаго красоты окрестныхъ мѣстъ. Въ отсутствіи образности во всѣхъ описаніяхъ Чехова, впрочемъ, обвинять нельзя. Вотъ напр. одинъ изъ удачныхъ сахалинскихъ пейзажей: «Чѣмъ дальше отъ Александровска, тѣмъ долина становится уже, потемки густѣютъ, гигантскіе допущи начинаютъ казаться тропическими растеніями, со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя горы. Вонъ вдали огня, гдѣ жгутъ уголь, вонъ огонь отъ пожара. Восходитъ луна. Вдругъ фантастическая картина: мнѣ на встрѣчу, подиравсь шестомъ, катитъ на небольшой платформѣ каргоженскій въ бѣломъ. Становится жутко».

Въ каждомъ сахалинскомъ пейзажѣ Чехова непременно фигурируетъ лѣсной пожаръ. Можно предполагать, что это художественная вольность, иначе что осталось бы отъ сравнительно небольшой тайги Сахалина, еслибъ она каждый день горѣла.

Въ той же книжкѣ «Русской Мысли», по важности затронутого вопроса обращаетъ на себя вниманіе статья Л. Н. Маресса: «Пища народныхъ массъ въ Россіи». Еще въ семидесятыхъ годахъ Высочайше учрежденная комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства пришла къ мрачному выводу, что крестьянская пища (хлѣбъ, пустыя щи, картофель и въ скоромные дни молоко, гдѣ оно есть) не только съ теченіемъ времени не улучшается, но напротивъ, ухудшается. Дальнѣйшихъ попытокъ къ изслѣдованію столь важнаго вопроса не было сдѣлано, хотя потребленіе, по всей вѣроятности, даже болѣе закономѣрно, чѣмъ какое либо другое явленіе изъ подлежащихъ статистическому наблюденію. Приходится, такимъ образомъ, выводить среднюю цифру потребленія пищи однимъ человѣкомъ на основе-

нѣмъ данныхъ о производствѣ въ странѣ важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ, ихъ вывозѣ и ввозѣ и отчасти ихъ расходованіи на разныя техническія надобности. Но само собою разумѣется, что полученная этимъ способомъ средняя цифра не будетъ вѣрна, такъ какъ есть громадная разница въ потребленіи некоторыхъ, особенно болѣе цѣнныхъ, продуктовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, классамъ общества и даже семьямъ. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя эти статистическія данныя мы можемъ получить если не истинную, то, по крайней мѣрѣ, приближительную цифру. По вычисленіямъ Маресса эта цифра для послѣдняго времени равна 12 п. 31 ф., другими словами столько пудовъ и фунтовъ растительныхъ продуктовъ потребляется въ годъ каждымъ крестьяниномъ. Наименьшая же средняя цифра изъ полученныхъ и проверенныхъ разными частными изслѣдователями есть 18 пудовъ на душу. Послѣдняя цифра ближе прочихъ и должна подходить къ истинѣ. Сопоставляя эту цифру съ средней цифрой сбора хлѣбовъ съ надѣльной земли по всей Европ. Россіи, мы видимъ, что послѣдняя не можетъ покрыть первую почти на 26%. Такимъ образомъ получается значительный дефицитъ, который увеличивается еще болѣе отъ массы лежащихъ на крестьяннѣ повинностей. Кромѣ того, въ его жизни необходимы еще и многіе другіе расходы: на одежду, пополненіе инвентаря, покушку дегтя и соли и т. д. Однимъ словомъ, населеніе наше въ своемъ теперешнемъ положеніи не можетъ въ полной мѣрѣ удовлетворить не только всей совокупности своихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ, но даже и одной насущной потребности питанія. Сравнивъ же въ этомъ отношеніи Россію съ другими государствами, получимъ еще болѣе печальный выводъ, что Россія есть самая бѣдная всеми родами растительной пищи страна. Несомнѣнно, что она давно уже, какъ это ни странно, сбываетъ за-границу то, въ чемъ сама сильно нуждается. Было время, когда наша страна вывозила за свои предѣлы только избытки собственного производства, но это время прошло, и теперь, очевидно, за-границу уходятъ часть народнаго продовольствія. При такихъ условіяхъ, конечно, не возможенъ никакой прогрессъ въ сельско-хозяй-

ственной производительности страны, и отовсюду мы слышимъ жалобы о истощеніи почвы, объ упадкѣ скотоводства. Народъ то адсь, то тамъ постоянно вынужденъ бываетъ ограничивать себя въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ своихъ потребностей. Больше или меньше продолжительное голоданіе, замѣна хлѣба тѣми или другими мало питательными, часто вредными суррогатами,—все это для нѣкоторой части населенія составляетъ обычное изъ года въ годъ наблюдающееся явленіе. Случись же болѣе серьезный неурожай, какъ это было въ 1891 г., и страна попадаетъ въ критическое положеніе, и мы не находимъ у себя даже тѣхъ запасовъ, которые были бы нужны, чтобы предотвратить распространеніе голодныхъ бѣдъ и разореніе многомилліонной массы народа. Слишкомъ тяжелая действительность, когда мы унизились даже до собиранія милостыни хлѣбомъ отъ тѣхъ странъ, которыя по количеству добыванія растительныхъ продуктовъ, считались нами бѣднѣе насъ, подтверждаетъ, къ сожалѣнію, всю истину выводовъ Маресса.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Русской Мысли» мы остановимся на одной только повѣсти И. Н. Потапенко: «На пенсію» — въ виду того свѣтлаго элемента, который вносятъ она въ современную мрачно-скептическую литературу. Свѣтлые типы такъ рѣдко выводятся нашими писателями, что невольно рождается вопросъ: неужели въ жизни попадаются одни лишь нравственно-исковерканные люди, психопаты, вырождающіеся и т. п.; неужели борьба за жизнь плодитъ лишь послѣднихъ, и въ ней ужъ не побѣждаетъ сильнѣйшій. На этотъ вопросъ не отвѣчаетъ современная беллетристика, дарящая насъ либо слишкомъ утрированными типами, потерявшими всякое нравственное чувство злодѣями, либо типами «нравственно-идеальныхъ», мавіаконовъ, психопатовъ. Между тѣмъ, въ жизни одни лишь нравственно и физически здоровые люди должны брать перевѣсъ; если же ихъ и оттѣсняють назадъ другіе, вырождающіеся, то это явленіе временное, скоропреходящее, за изученіе котораго литература должна взяться совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ какъ это она дѣлаетъ теперь. Современный беллетристъ, отыскавъ какое нибудь патологическое явленіе, просто такъ

себя, какъ говорится, копается въ немъ, ни анализируя, ни изучая его. Наши писатели такъ увлеклись патологіей, что совершенно позабыли про здоровыхъ людей; они не принимаютъ даже во вниманіе, что послѣднимъ уже до смерти надоѣло смотрѣть на ихъ болѣзненныхъ, возбуждающихъ отвращеніе героевъ, и что патологическая литература приноситъ больше вреда чѣмъ пользы.

Тѣмъ съ большимъ, поэтому, удовольствіемъ встрѣчаешь сильные, здоровые типы въ нашей литературѣ. Съ однимъ изъ такихъ типовъ, народившимся во время паденія крепостничества и паразитировавшей на этой почвѣ массы безполезностей, знакомитъ насъ И. Н. Потапенко. «Герой» его, сынъ кулака, посвятившаго всю жизнь наживанію капитала, просвѣтившись, почувствовалъ правду и захотѣлъ вернуть деньги куда слѣдуетъ. Получивъ въ распоряженіе громадный капиталъ, онъ спросилъ себя: что нужно всего? «И послѣ долгихъ колебаній рѣшилъ, что нѣтъ ничего болѣе жалкаго и несчастнаго, какъ положеніе русскаго деревенскаго человѣка, который, живи въ концѣ XIX в., когда для земледѣлія, какъ и для другихъ отраслей человѣческой дѣятельности, добыты милліоны усовершенствованій, а человѣческій умъ такъ развился и ушелъ впередъ,—остается темнымъ, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, и одинъ во всемъ мірѣ обрабатываетъ землю своимъ первобытнымъ способомъ». Тѣ, которые должны были бы протянуть ему руку помощи, научить его, тѣ отдавались грубому эгоизму, думаютъ лишь о себѣ и кабы всласть прожить свой вѣкъ. И вотъ, подъ влияніемъ этихъ мыслей, Ершквичъ (нашъ герой) выработалъ планъ помочь земледѣльцу. «Люди, говоритъ онъ, могутъ приносить пользу на разныхъ поприщахъ, но я признаю только тѣ, которыя ведутъ къ улучшенію условій существованія массы. Тутъ я узокъ и непоколебимъ. Я глубоко убѣжденъ, что пока это не сдѣлано, дальше двигаться нельзя... И потому все, что не подходитъ сюда, все, что тормозитъ развитіе этого дѣла, не можетъ пользоваться моимъ сочувствіемъ». Весь характеръ Ершквича въ этихъ немногихъ словахъ.

Рядомъ съ этимъ сильнымъ типомъ поставленъ выродившійся потомокъ старин-

ныхъ дворянъ, людей, которые въ свое время были, быть можетъ, выдающимися дѣятелями своего народа, энергичными, способными. Но въ потокахъ ихъ этихъ качествъ ужъ нѣтъ и отъ такихъ людей ужъ нечего ждать. Такъ и Миловановъ, представитель этого сорта людей, человекъ, безъ сомнѣнія, со многими прекрасными чертами характера, является въ повѣсти только жалкой безполезностью. Онъ и самъ это чувствуетъ, признаетъ свою непривычку и неспособность къ труду, и соглашается съ тѣмъ, что онъ, какъ инвалидъ общества, а вѣсть съ тѣмъ несчастье и обуза его, можетъ быть лишь пенсионеромъ этого общества. Несчастье подобнаго рода людей заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ ужъ силъ быть полезностью.

Останавливаться дальше на разборъ прекрасной повѣсти И. Н. Потапенко, я, къ сожалѣнію, не могу. Желая посвятить нѣсколько строчекъ достопочтенному патріарху современной беллетристики, Дмитрію Васильевичу Григоровичу, 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности котораго только что отпразднованъ, и долженъ прибегнуть къ этому.

Немного писателей выказало въ своихъ произведеніяхъ такую любовь къ обездоленному темному люду, какъ Д. В. Григоровичъ. «Антонъ Горемыка» и «Деревня» первые отвлекли нашу литературу отъ высшихъ сферъ и показали ей невѣдомый до сихъ поръ для нея униженный, ютящійся въ нищету міръ. Освѣтивъ этотъ міръ свѣтомъ горячей любви къ нему и лучами высшаго художественнаго дарованія, Григоровичъ возбудилъ всеобщее къ нему сочувствіе и ввелъ въ него молодыхъ своихъ послѣдователей. Всѣ тѣ художественные образы, которые нашелъ таиъ этотъ учитель вѣсти со своими учениками будутъ служить ему въ исторіи русской литературы вѣчнымъ памятникомъ, къ которому никогда не заростетъ «вародная тропка». Народъ вѣчной любовью отплатитъ тому, кто первый возлюбилъ его и показалъ другимъ, что его можно и слѣдуетъ любить.

Черичъ.

↓
(П. Ч. Черичъ
по С. М. М. М.
т. 14, с. 793)